

Есть счастье в жизни?

Рамма

В Казахском государственном академическом театре драмы имени М.О. Ауэзова прозвучал "Кузгі романс" ("Осенний романс").

Драма Серика Асылбекова о двух несчастливых парах в постановке режиссера, заслуженного деятеля РК, лауреата премии имени Махамбета Аубакира Рахимова смотрится как разыгрываемый героями межличностный спектакль, который, конечно же, не окончится для них с закрытием занавеса.

Исходя из сентиментальности названия пьесы, настроившись на просмотр драмы лирической. Но, несмотря на переплет интимных взаимоотношений персонажей, действие предстает как драма социально-психологическая, взявшая весь зрительный зал в полон переживаний. Автор мог бы без основания повторить слова Гергарта Гауптмана, предваряющие его пьесу "Одинокие": "Эту драму я посвящаю тем, кто пережил ее сам".

Спектаклю предшествует графическая "увертюра". На дальний план сцены, обрамленный кулисами в размытых золотисто-багряных пятнах осени (в стиле акварелей Марлена Темиргалиева), проецируется динамичный кинокалейдоскоп видов вечернего мегаполиса, в чьем социальном чреве нивелируются линии частных жизней (художник Мурат Сапаров).

Заметим попутно, что слух алматинцев может тешить упоминание героями по ходу действия местных реалий. Здесь и стадион "Динамо", и Медеу, и фестиваль "Азия дауысы", и памятник поэту Мукатали Макаатаеву и Шамшы Калдаякову. Правда, скульптуры композитора в городе пока нет, так что это, видимо, заявка-намеки драматурга акимату Алматы.

Когда мельтешение кадров гаснет, взор провисает в пространстве типовой квартиры, меблированной, как уютный офис. Нет ни единой радующей глаз национальной ноты: ни текемета, ни домбры, ни резного кумысного набора. И в музыкальном оформлении спектакля отсутствует казахская мелодика. В углу одиноко торчит гипсовый грудастый торс - нагой символ то ли безликого глобализма (рядись, манекен, во что хочешь!), то ли знак принадлежности кого-то из жильцов к сфере коммерции или дизайна.

В первом действии всего одна сцена. Но это сцена негодующей ревности, которую закатывает Назым (арт. Гулшат Тутова) охладевшему к ней супругу Сайлау (арт. Бахтияр Кожа). Она засекала, как он скрывался в подъезде какой-то пятнадцатки с некоей "рыжей бестией".

Дочь советского чабана, Назым превратилась в новое время в одну из бизнес-леди, что расцвели под солнцем рынка. На конкурентном поле частного предпринимательства его лучи безжалостно выжигают трудяг-лохов, но животворны для расчетливых, как она, и беспринципных проныр.

Сайлау - театральный режиссер, но, как выговаривает ему супруга, абсолютно ничемный! Ставить заплеванную классику обетшальными, хотя бы и академическими приемами - это все равно, что перекладывать социализм в капитализм по старым лекалам. Повыгонять бы к такой-то матери всех доморощенных экономических стратегов и квасных радителей за национальное искусство! Да назвать западноевропейских или американских варягов высшей квалификацией! Только тогда Казахстан начнет цвести и пахнуть, и плодоносить по всем доходным статьям и экономики, и культуры!

Бедный материально и оскорбленный сердцем, Сайлау продолжает жить с Назым, как он сам ей в том признается, в силу "инерции супружеского долга". Он цитирует ей "Слова назиданий" Абая, добытые

поэтом в трагических раздумьях, мечет их, как бисер перед кобылицей, оглушенной от чужеземного корма и воротящей глаз от родных клеверов.

Гулшат Тутова выясняет отношения с супругом, воспроизводя общий тип скандальной авторитарной ревнивицы. Но в трактовке ее образа мало индивидуальных пластических и мимических изюминок. Наверное, поэтому Назым в какой-то момент покрывает лицо "питательной маской", которая должна защитить актрису от привередливых взглядов зрителей.

Палитра физических действий ее партнера ограничивается в основном тем, что Бахтияр Кожа на протяжении почти всей сцены ревности нервно листает свои книги. Когда Назым, выгоняя мужа из дома, швыряет к его ногам пустые для нее тома, Сайлау (для которого книга - часть его духовного мира) поднимает их отстраненно, даже не глянув, что попало жене под горячую руку. Он не видит в этом жесте Назым тяжкого оскорбления верных ему друзей, которым предстоит разделить с ним его участь. Актер лишает себя шанса продемонстрировать мастерство исполнения "этюда с предметом". Уж не пробел ли это в матрице его исполнительского ремесла?

Во втором акте почти тот же скучный интерьер. Исчез лишь манекен, и чуть переставлена мебель. Теперь это скромная домашняя пристань той самой "рыжей бестии" Сюзанны (арт. Шынар Жаныбекова), куда прибегает отвергнутый женой Сайлау. Хозяйка уютной квартиры - кандидат биологических наук, она "не по уму" бедна и к тому же разведена.

До этого визита "два одиночества" виделись несколько раз: Сюзанна консультировала Сайлау по вопросам поведения собак - он готовится ставить пьесу Булгакова "Собачье сердце". В одну из памятных встреч она одарила приглянувшегося ей мужчину единственным платоническим поцелуем, который связал их лучиком надежды на взаимную любовь.

Поглощенные каждый своим чувством, партнеры почти не слушают акустически мутную запись "Осеннего романса" Пугачевой. Потом они принимают сентиментальное вальсировать под "Серенаду" Шуберта. Их скованность мало-помалу растапливается, и наконец поток чувственности сметает последние условности. Но нарастающую кульминацию свидания как ножом вспарывает неожиданное явление перед очами влюбленных экс-мужа Сюзанны Алибека (арт. Жандарбек Садырбаев).

Три года назад он, так же как и она, остепененный ученый, предпочел нищей науке заманчивый бизнес, а жене с их 11-летним сыном - молодую студентку. Шустро войдя в новое дело Алибека, новая

вторая его половина вышла оттуда со всем его капиталом, оставив супругу долги и "рога". И тому не остается ничего другого, как попытаться схватиться за спасательный круг бывшего семейного его бытия.

В результате петушиной перепалки вихаря с соперником выявляется прямо-таки близнецовое родство взглядов Алибека и неведомой ему Назым на главные для них жизненные ценности. На очень дорогие материальные ценности. Это вам не мишура духовного мира - ею никакой режиссер брюхо себе не набьет. Ах, какая была бы пара! Пара пауков в престижном банке.

Пафосный монолог Алибека, адресованный брошенной жене, преисполнен абсолютной веры в скорую реанимацию его преуспевания. Но разочарованной во всем Сюзанне ничего не нужно. Она и Сайлау благословляет вернуться домой, видя, как он мнется на пороге выбора, ища ответ на вопрос: что есть счастье? Любовь, спокойствие, деньги? Или - спокойствие, деньги, любовь? Возлюбленный оправдывает смысл своего "говорящего" имени ("сайлау" означает "выбор"), но безволен принять однозначное решение.

В доме остался забытый Сайлау чемодан, который воспринимается не как символ возможного его возвращения, а как элемент театрального реквизита. Ибо актеры не переносят на этот предмет свое психологическое состояние и не включают его в игровую ткань.

Лучшая мизансцена у Шынар Жаныбековой - финальная, где она безнадежно обращает "в никуда" свой итоговый монолог о безысходном одиночестве, которое, увы, не единственно в мире, где судьбы предначертаны без альтернативы.

Жандарбек Садырбаев проявляет себя в этом сезоне как актер-загадка. В трагедии Мухтара Ауэзова "Карагоз", исполняя роль влюбленного в героиню юного акына Сырыма, он почти весь свой текст статично декламирует в позе степного балбала (режиссер Болат Атабаев). Играя легкомысленного студента Султана в драме Дулата Исабекова "Анке" ("Старшая сестра"), актер неожиданно наделяет вертлявого парня сценическим обаянием (режиссер Байтен Омаров). В образе же крутого Алибека он непонятно как сводит в гармоничное единство "академическую" напыщенность легендарного Сырыма и моторную пластичность современного шалопая Султана.

И все ж таки артисту не досталось от зрителей ни цветочка за исполнение роли Алибека. Можно предположить, что этот спонтанный "рейтинг" отражает неприятие публичной образа "нового казаха". Ментально он, по-видимому, остается чуждым народному сознанию.

Сергей КОВАЛЬ
Фото Раисы КРУГОВОЙ

Вечерний Алматы

11 января 2007